

Максимилиан Александрович Волошин

Анри де Ренье

Максимилиан Александрович Волошин

Анри де Ренье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7457835

Аннотация

«Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье родился 28 декабря 1864 года в Гонфлере, старинном и живописном городке, расположенном амфитеатром на холмах около устьев Сены. В настоящее время ему сорок пять лет. Он в полном расцвете своего творчества. На вид он моложе своих лет. Есть что-то усталое и юношеское в его высокой и худощавой фигуре. Его матово-бледное лицо, продолговато-овальное, с высоким, рано обнажившимся лбом, висячим тонким усом и сильным подбородком, по-девически краснеет при сильном впечатлении. У него бледные голубовато-серые глаза. Монокль придает его лицу строгость и некоторую торжественность...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Максимилиан Волошин

Анри де Ренье

I

Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье родился 28 декабря 1864 года в Гонфлере, старинном и живописном городке, расположенном амфитеатром на холмах около устьев Сены.

В настоящее время ему сорок пять лет. Он в полном расцвете своего творчества. На вид он моложе своих лет. Есть что-то усталое и юношеское в его высокой и худощавой фигуре. Его матово-бледное лицо, продолговато-овальное, с высоким, рано обнажившимся лбом, висячим тонким усом и сильным подбородком, по-девически краснеет при сильном впечатлении. У него бледные голубовато-серые глаза. Монокль придает его лицу строгость и некоторую торжественность.¹

Во всех его движениях, в costume, в фигуре есть грустная эlegантность цветка, отяжелевшего в расцвете и склонившегося на вялом стебле. Задумчивая гармония, молчаливость и

¹ На вид он моложе своих лет – строгость и некоторую торжественность. – Описание внешности писателя дается на основе портретных характеристик в книгах Ж. де Гурмона и П. Леото (ср.: Gourmont J. de. Henri de Regnier et son oeuvre. Paris, 1908, p. 10; Leautaud P. Henri de Regnier. Paris, 1904, p. 1–2; а также: Berton H. Henri de Regnier: Le poete et le romancier. Paris, 1910, p. 26).

безукоризненная светскость отличают его среди говорливой толпы парижских вернисажей и первых представлений.

Его негромкий, слегка певучий, но гибкий и богатый оттенками голос говорит о замкнутых на дне души залах, о стыдливости духа и о многих произнесенных, затаенных навеки словах.

Такие слова придают поэзии сдержанную силу и гармонию.

Самый совершенный и пластический из поэтов Парнаса – Хозе-Мария Эредиа – выдал своих дочерей за двух поэтов: старшую за Пьера Луиса, младшую – за Анри де Ренье.²

Как стареющий Лир, он разделил свое царство в области поэзии между своими зятьями.

Если бы средневековый хронограф рассказывал об этом событии, то он прибавил бы, конечно, что одну из них звали «La Grece antique» [«Античная Греция» – Здесь и далее, кроме особо оговоренных перевод с французского], а другую – «La belle France».[Прекрасная Франция]³ Впрочем, быть может, он дал бы им иное символическое имя и одну назвал бы «Стилем», а другую «Поэзией».

² Хозе-Мария Эредиа – выдал со старшую за Пьера Луиса, младшую – за Анри де Ренье. – Женой Анри де Ренье стала в 1896 г. средняя дочь Эредиа Мария – известная поэтесса и писательница, печатавшаяся под псевдонимом Жерар д'Увиль (Gerard d'Houville), Пьер Луис женился на младшей дочери.

³ ...одну из них звали «La Grece antique», а другую – «La belle France». – Имеются в виду стилизации под античную лирику Пьера Луиса («Книга Билитис») и изображение Франции в творчестве А. де Ренье.

В этом бы он совпал с Морисом Баррэсом, который при вступлении своем в академию, заканчивая похвальное слово в честь Эредиа, сказал, намекая на младшую дочь Эредиа, ставшую женою Анри де Ренье:

«Хозе-Мария Эредиа оставил нам бессмертные произведения и целую семью поэтов, среди которой в чертах некоей юной смертной каждый мыслит видеть лик самой Поэзии».⁴

Нет сомнения, что если из поэтического наследия Эредиа проникновение в стиль и дух античного мира досталось создателю «Песен Билитис», то сама крылатая победа поэзии, осенившая такую аполлоническую четкостью сонеты Эредиа, посетила дом Анри де Ренье и избрала именно его среди современных поэтов Франции.

На долю Анри де Ренье выпала счастливая и завидная доля в искусстве: быть собирателем плодов, быть осуществителем упорных исканий, которым были отданы силы нескольких поколений французских поэтов. В нем рафаэлевская, в нем пушкинская прозрачность и легкость.

С законным правом он мог бы применить к себе стих Бальмонта: «Предо мною другие поэты – предтечи».⁵

⁴ «Хозе-Мария Эредиа оставил нам со самой Поэзии». – Речь Барреса издана отдельной брошюрой: Barres M. Discours prononcé dans la séance tenue par l'Académie Française pour la réception de Maurice Barres, le 17 janvier 1907. Paris, 1907.

⁵ «Предо мною другие поэты – предтечи». – Строка из стихотворения К. Д. Бальмонта «Я – изысканность русской медлительной речи...» (см.: Бальмонт К. Собр. стихотворений. М., 1904, т. 2, с. 224).

Как отражение в выгнутом зеркале, в стихе его соединились все завоевания, которые французская поэзия сделала за вторую половину XIX века. Парнасцы, Маллармэ, символисты приготовили ему путь. Сам он не искал новых путей. Он стал поэтом-завершителем.

Среди символистов он кажется парнасцем. Но строгий его стих пронизан всеми отливами чувств и утончениями мысли, доступными символистам.

Мраморная статуя парнасского стиха ожила в его руках. Мрамор стал трепетной теплой плотью.

Маллармэ замыкал свои идеи в алхимические реторты, магические кристаллы и алгебраические формулы. Ренье разбил их и сделал из рассыпавшихся драгоценных камней чувственные и сказочные украшения, подобные тем, которыми украшал наготу своей Саломеи Гюстав Моро.

Свободному стиху символистов он придал неторопливую прозрачность, а новым символам – четкость и осязаемость.

С Маллармэ Анри де Репье связан тесными узами дружбы и преемственности. Он был постоянным посетителем вторников маленькой гостиной на Rue de Rome, где создалась и воспиталась школа поэтов девяностых годов. Там не бывало бесед – туда приходили слушать учителя. Лишь изредка, во время нечастых посещений Вилье де Лиль-Адана или Уистлера, слово переходило к ним. Обычно говорил один Маллармэ, стоя у камина с неизменной маленькой глиняной трубкой в руке. Ренье в этих случаях играл роль пред-

водителя хора. Он сидел всегда на одном и том же месте — на диване по правую руку учителя, и когда речь Маллармэ иссякала, он подавал ему реплику: на угасающий жертвенник бросал несколько кусков сандалового дерева, и огонь пылал снова. Первое десятилетие его поэтического творчества прошло так у тайного родника поэтической мудрости, напоившего стольких поэтов. Это были отношения истинного ученичества. Ренье, уже слагавший «*Poemes anciens et romanesques*» [Стихотворения в античном и рыцарском духе], краснел от волнения, как мальчик, после похвалы учителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.